

сделался весьма «изумливым».

– Не был ли ты похотливым?

– Нет.

– В таком случае, с чем же ты ко мне пришел?

– Я каменщик, – ответил тот, – а вот у меня с собой лопатка.

Другой исповедовавшийся отвечал совершенно так же, но казался немного поразвитее первого. Он был пастухом.

– Ну, сын мой, – начал его спрашивать священник, – хранил ли ты заповеди господни?

– Нет, – ответил пастух.

– Это плохо. А заповеди церкви?

– Нет.

– Так, значит, ты ничего не хранил?

– Я хранил только овец, – ответил пастух.

Был еще один исповедовавшийся, старый, как цветочный горшок, а может быть, он покажется кому-нибудь и новым. После того как он выложил священнику все, что хотел, тот спросил его:

– Ну, сын мой, что у тебя есть еще на совести?

Исповедовавшийся ответил, что у него больше ничего нет, если не считать один пришедший ему на память грех: он украл однажды недоуздок.

– Что же, друг мой? – сказал священник, – украсть недоуздок – грех не столь тяжелый. Я охотно даю тебе отпущение.

– Все это так, – сказал исповедовавшийся, – да на конце-то недоуздка была кобыла.

– Вот оно что! – сказал священник. – Это другое дело. Между кобылой и недоуздкой большая разница. Тебе надо сперва вернуть кобылу. Как только ты это сделаешь, я на первой же исповеди дам тебе отпущение за недоуздок.

Новелла XLIII

О девушке, которая не хотела идти замуж за одного человека потому, что он проел у своей первой жены спину

Говоря о двусмысленностях, вызываемых произношением, нужно заметить, что французы имеют обыкновение произносить слова довольно мягко и не договаривать их до конца, вследствие чего весьма часто одни слова можно принять за другие, если их значение нельзя понять из каких-либо других слов, стоящих с ними рядом.

В городе Лионе одну молодую девицу выдавали замуж за вдовца, волею божьей похоронившего свою жену год или два назад. Этот человек пользовался славой плохого хозяина, ибо распродал и промотал имущество своей первой жены. Когда об этом браке зашел разговор, молодая девица спряталась за дверь и подслушала. Она услышала о женихе разные мнения и, между прочим, следующее: «Я не думаю, что ее за него выдадут. Это – человек нехороший. У своей первой жены он проел все приданое». Молодая девица поняла это слово не так, как понимал его собеседник говорившего, ибо была еще слишком молода и никогда не слыхала слова *dot* – приданое, которое в некоторых местах, и главным образом в Лионе, заменяет слово *douaire*, и подумала, что жених проел у своей жены *dos* – спину или хребет. Перепуганная девушка пошла поделиться своим страхом с матерью и напрямик заявила ей, что она не хочет идти замуж за того человека, который ее сватает.

– Почему же ты не хочешь, моя милая? – спросила ее мать.

– Маменька, – ответила ей дочь, – это ужасный человек. Его жена умерла оттого, что он проел у нее спину.

Когда это сделалось известным, над ней жестоко смеялись. Но она была вполне права, отказываясь от такого мужа. Проест ли муж у своей жены спину или приданое, – для нее одинаково плохо.

Новелла XLIV

О побочном сыне одного знатного сеньора, который позволил себя повесить ни за что и рассердился за то, что его спасли